

На правах рукописи

ШУЛЯКИНА Юлия Сергеевна

**ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ХАРАКТЕР И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»
В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ярославль 2014

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики преподавания
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Научный руководитель: **Жмурко Ольга Ивановна**,
кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры русского языка и методики преподавания
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный
университет»

Официальные оппоненты: **Климкова Людмила Алексеевна**,
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры русского языка и методики его
преподавания Арзамасского филиала ФГАОУ ВО
«Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского»;

Гапонова Жанна Константиновна,
кандидат филологических наук, начальник
редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВПО
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова»

Защита состоится 11 декабря 2014 г. в _____ час. на заседании
диссертационного совета Д 212.307.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльская набережная,
д. 46-в, ауд. 506.

Отзывы об автореферате направлять по адресу: 150000, г. Ярославль,
ул. Республиканская, д. 108, диссертационный совет Д 212.307.05.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская,
д. 108, а также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. И. Зимина

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена комплексному анализу лексики тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области.

В рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания внимание лингвистов фокусируется на изучении языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. Для данного исследования, безусловно, оказываются важными положения, представленные в работах отечественных ученых – Н. Д. Арутюновой, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Т. И. Вендиной, В. Г. Гака, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, А. А. Потебни, В. Н. Телия, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. К. Харченко, А. Д. Шмелева, Г. Шпета, Л. В. Щербы и др., посвященных проблемам «человека в языке».

Устойчивый интерес современной лингвистики к человеческому фактору в языке проявляется, в частности, в обращении к проблемам языковой, в том числе диалектной, картины мира и национального своеобразия языкового отображения действительности. В этом отношении важное место занимает лексика, характеризующая человека, так как она непосредственно связана с человеческим фактором в языке и хранит богатую информацию о системе ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности.

В границах тематического деления лексики в ивановских говорах (под ивановскими говорами понимаются говоры Ивановской области в ее современных границах) может быть выделена характеризующаяся богатством лексического состава тематическая группа «Характер и поведение человека». Изучению лексики со значением личностных качеств человека, особенностей его характера и поведения на отдельных территориях России посвящены работы Н. Ю. Баженова (самарские говоры), Т. В. Бахваловой, Ю. А. Бессоновой (орловские), Ж. К. Гапоновой, С. Л. Гурской, Т. К. Ховриной (ярославские), Ю. Н. Грицкевич (псковские), Л. А. Климковой, Л. С. Коршуновой (нижегородские), Н. А. Красовской (тульские), Н. И. Кривовой, Т. А. Литвиновой, А. Д. Черенковой (воронежские), Е. А. Нивиной (тамбовские), Т. Е. Никулиной (костромские), Л. Н. Новиковой (тверские), Ю. В. Седойкиной (брянские), И. С. Урманчеевой (вологодские) и др. Если в лексикологических исследованиях, ведущихся в других регионах Российской Федерации (в том числе и в соседних Костромской, Нижегородской и Ярославской областях), лексика, характеризующая человека, неоднократно становилась предметом анализа, то лексическая составляющая тематической группы «Характер и поведение человека» на материале говоров Ивановской области специальному рассмотрению не подвергалась. Таким образом, комплексный анализ лексики данной тематической группы представляется актуальным.

Актуальность исследования определяется рядом факторов: 1) включенностью работы в общую антропоцентрическую парадигму современной лингвистики; 2) необходимостью исследования словарного состава

русских народных говоров в разных аспектах, что связано прежде всего с созданием в настоящее время «Лексического атласа русских народных говоров»; 3) особым вниманием отечественных лингвистов (а также культурологов, социологов и этнологов, философов) к изучению понятийно-семантической сферы «Человек»; 4) важностью выявления по данным лексики говоров особенностей языковой картины мира, ценностных ориентиров, национально-культурных установок диалектоносителей; 5) недостаточной изученностью лексики, характеризующей человека, на материале ивановских говоров.

Объектом исследования является весь лексический состав тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области, полученный в результате опроса по «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (раздел «Характеристика личности и поведения человека по эмоциональному состоянию, умственным способностям и отношению к нормам нравственности»).

Предметом исследования стали семантика, способы образования, словообразовательная мотивация, семантические отношения наименований в лексико-тематической группе «Характер и поведение человека», их способность к отражению мировосприятия носителей ивановских говоров.

Основным **источником** исследования являются материалы словарной картотеки по теме «Человек», которая хранится на кафедре русского языка и методики преподавания (бывшей кафедре общего и славянского языкознания) ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Картотека содержит общерусскую и собственно диалектную лексику, собранную по «Программе Лексического атласа русских народных говоров», отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв. Для дополнительной верификации номинаций к анализу были привлечены полевые записи, осуществленные О. Р. Ростовым в Шуйском районе Ивановской области в 2011–2012 гг., а также материалы шуйского диалектолога Л. П. Батыревой и костромского диалектолога Н. С. Ганцовской, материалы словарной картотеки Лексического атласа русских народных говоров, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словаря русских народных говоров», «Ярославского областного словаря».

Материалом исследования послужили 592 лексические единицы и устойчивые сочетания, характеризующие человека по тем или иным качествам, особенностям характера и поведения, в говорах Ивановской области.

Цель работы состоит в комплексном семантико-словообразовательном анализе лексики тематической группы «Характер и поведение человека» как фрагмента русской языковой картины мира в речи диалектоносителей.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) определить лексический состав наименований, характеризующих человека по тем или иным личностным качествам, особенностям характера и поведения, в ивановских говорах;

2) выявить и систематизировать наполнение соответствующих лексико-тематических подгрупп в составе лексико-тематической группы «Характер и поведение человека» в анализируемых говорах;

3) выделить в составе лексико-тематических подгрупп лексико-семантические группы и описать входящие в них лексические единицы с позиций семантики, способа образования, словообразовательной мотивации, особенностей функционирования, учитывая системные отношения в словарном составе народных говоров;

4) рассмотреть наименования черт характера и особенностей поведения в лексико-тематической группе «Характер и поведение человека» как средство репрезентации диалектной языковой картины мира и системы ценностей диалектоносителей.

Методологической основой исследования послужили базовые антропоцентрические концепции, дающие понимание сущности языка посредством обращения к миру человека; основополагающие теории, доказывающие своеобразие диалектных особенностей как репрезентации представлений человека, проживающего на ограниченной территории, об окружающем мире, о предметах, свойствах, явлениях, во взаимодействии с которыми он существует; фундаментальные идеи, раскрывающие общие сущностные характеристики языка и его системной организации.

Теоретической основой исследования послужили научные положения и идеи, изложенные в работах Р. И. Аванесова, Н. Д. Арутюновой, Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, Н. С. Ганцовской, А. С. Герда, К. И. Демидовой, Л. А. Климковой, Г. Г. Мельниченко, И. А. Оссовецкого, В. Н. Телия, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Ф. П. Филина.

Комплексный характер работы потребовал синтеза ряда **методов исследования**: *описательного*, состоящего в последовательном описании языковых единиц, объяснении их семантической и словообразовательной структуры; *сопоставительного*, заключающегося в сопоставлении лексики ивановских говоров с говорами других областей (по данным «Словаря русских народных говоров», «Ярославского областного словаря» и словарной картотеки «Лексического атласа русских народных говоров»), что позволило выявить общие и специфические особенности исследуемых говоров, а также в сопоставлении с данными толковых и исторических словарей русского языка; приемов *словообразовательного* анализа лексики.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного анализа лексики тематической группы «Характер и поведение человека» на материале говоров Ивановской области, которая до сих пор не являлась объектом специального лингвистического описания; выявлены характерные особенности организации лексико-тематических подгрупп и лексико-семантических групп, специфика функционирования лексических единиц указанного тематического объединения; проведены лексикографический анализ наименований, характеризующих человека по его постоянным действиям и качествам, и сопоставление материала

ивановских говоров с данными других говоров и языковыми фактами общерусского распространения. В научный оборот вводится систематизированный материал народных говоров отдельного региона, исследуемый в русле антропоцентрических идей языкознания.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в изучение современной лексики русских народных говоров, в методику описания лексико-тематических подгрупп и лексико-семантических групп наименований, затрагивает важные вопросы особенностей их семантики и образования, дает возможность для реконструкции фрагментов языковой картины мира диалектоносителей и изучения менталитета как сельских жителей Ивановского края, так и других территорий в их языковом проявлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно продолжает работу по изучению современной лексики различных тематических групп в говорах Ивановской области, начатую учеными ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Полученные результаты могут быть использованы в лексикографической практике и лингвогеографических описаниях русских народных говоров при составлении региональных (областных) словарей и лексических атласов, в преподавании курсов русской диалектологии и современного русского языка (раздел «Лексикология»), при разработке спецкурсов и спецсеминаров по диалектной и исторической лексикологии, лексикографии, этнолингвистике, лингвогеографии. Материалы, положения и выводы исследования могут представлять интерес для широкого круга людей, интересующихся проблемой развития русского языка, народной культурой и традициями, а также учителей школ при проведении внеклассных мероприятий по языку, подготовленных с использованием регионального материала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в ивановских говорах отображает как составляющие этнокультурной и языковой истории Ивановской области в ее прошлом и настоящем, так и состояние современного русского национального языка.

2. Современный говор представляет форму сосуществования в речи одной языковой личности элементов литературного языка, общерусского просторечия и собственно говора. Наблюдения за функционированием лексических единиц отчетливо показывают, что многие единицы в говорах можно охарактеризовать как диалектно-просторечные, т. е. содержащие на разных уровнях языка локально ограниченные и общерусские признаки.

3. Исследование лексики тематической группы «Характер и поведение человека» позволяет выделить в ее составе крупные блоки лексем (лексико-тематические подгруппы), отражающие характеристики: 1) человека как индивида (лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению); 2) человека как члена социума (лексика, характеризующая человека по отношению к нормам нравственности). Дальнейшая систематизация слов по лексико-семантическим

группам наглядно демонстрирует разнообразие синонимических, антонимических отношений и мотивационной связи между лексемами.

4. Своеобразие словообразования в тематической группе «Характер и поведение человека» состоит в том, что высокопродуктивным является морфологический способ образования слов. В качестве производящих для наименований в большинстве случаев выступают глаголы и прилагательные. Преобладание глагольной мотивации объясняется существенной ролью процессуальной составляющей поведения человека, адъективной – отражением признаков характера индивида. Метафорический перенос осуществляется чаще всего по зооморфной и фитоморфной моделям.

5. Анализ современной лексики говоров Ивановской области показывает, что характерной чертой тематической группы «Характер и поведение человека» является отсутствие четких границ в значении слов (одно и то же наименование может быть включено в разные лексико-семантические группы), что приводит к смысловым переходам от одной лексико-семантической группы к другой.

6. С оценочной точки зрения подавляющее большинство групп и лексических единиц, характеризующих человека, дают ему негативную оценку, что соотносится с представлениями диалектоносителей о норме, в соответствии с которыми языковую маркированность получают неприемлемые, не отвечающие жизненным устоям, не вписывающиеся в норму явления.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации представлены в виде докладов и сообщений на IX Международной школе-семинаре «Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века» (Иваново, 2011), юбилейной X Международной школе-семинаре «Life beyond Dictionaries» (Иваново, 2013), Международной научной конференции «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней» (Иваново, 2012), Международной научной конференции «Ярославский текст в пространстве диалога культур» (Ярославль, 2014), V Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание» (Иваново, 2011), VI Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – образование» (Иваново, 2014), Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти канд. филол. наук, доцента А. Н. Борисовой, «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, 2011), Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (СПб., 2011), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (Арзамас, 2012).

Цель и задачи исследования определили **структуру работы**. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы, Лексикографического списка и двух приложений.

Основное содержание работы

Во *Введении* обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель и задачи работы, указывается объект исследования, дается методологическая и теоретическая база исследования, определяются основные методы, а также источники фактического материала, предлагаются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

В первой главе *«История формирования антропоцентрического метода исследования в отечественном языкознании»* рассматриваются наиболее важные для исследования теоретические положения.

В первом параграфе *«Антропоцентризм как активно разрабатываемый научный принцип современной лингвистики»* раскрывается сущность антропоцентрического подхода к изучению языка, провозглашающего принцип рассмотрения языковых фактов и явлений в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. Основы такого направления были разработаны В. фон Гумбольдтом.

Во второй половине XIX века антропоцентрические идеи находят развитие в лингвистических концепциях отечественных ученых – А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Главной проблемой, интересовавшей Потебню на протяжении всей его творческой деятельности и нашедшей отражение во всех его трудах, была проблема соотношения языка и мышления. В работе *«Мысль и язык»* Потебня утверждает, что поэзия и проза, искусство и наука обретают жизнь в языке и обусловлены языком. Потебня сформулировал доминантную для своего научного творчества идею о языковой деятельности человека как о творческом познании мира и об изначальной «художественности» этого процесса. Последовательно развивает антропоцентрический подход к языку и другой ученый-славист И. А. Бодуэн де Куртенэ, призывающий рассматривать как реальную величину не язык, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления. Бодуэн де Куртенэ принимает учение Гумбольдта о языке как своеобразном мировоззрении: в языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих.

В первой половине XX века к изучению «человека в языке и языка в человеке» обращаются выдающийся языковед Л. В. Щерба и философ Густав Шпет. По мнению Щербы, в языковых явлениях следует различать 3 аспекта: 1) речевую деятельность, 2) языковую систему (язык) и 3) языковой материал (тексты). Языковой материал оказывается первым и важнейшим, непосредственно доступным объектом языкознания. Весьма показательным является проходящий через работы Щербы конфликт по линии социальное – индивидуальное, возникающий главным образом в связи с последовательным и принципиальным противопоставлением языковой системы (социальное) и психофизиологической речевой организации (индивидуальное). Вслед за

Л. В. Щербой выдающийся российский философ Густав Шпет оказал огромное влияние на развитие семиотики и философии языка. Язык, по мнению Шпета, порождается не только необходимостью общения, но и чисто внутренними потребностями человечества, лежащими в самой природе человеческого духа, и при этом он имеет независимое, внешнее бытие, оказывающее влияние на самого человека. Для Шпета всякое мышление, которое заслуживает права называться человеческим мышлением, изначально, языково. Слово говорящего или пишущего понимается как признак наличия культуры и принадлежности к определенному более или менее узко очерченному кругу культуры, отмеченному единством языка. Представления Шпета о слове как шифре культуры, закодированном сообщении, его учение о морфологии эстетического сознания стали определяющими идеями для формирования целой школы филологов и лингвистов: так называемые «московский» и «пражский» кружки 20-х гг.

В конце XX века «заново» открытые идеи антропоцентризма получили бурное развитие в русле актуальных для современного языкознания когнитивного и лингвокультурологического направлений, составляющих часть антропоцентрической (антропологической) лингвистики. В центре исследовательского внимания оказываются отношения языка и культуры, ибо всякое изучение языка своим предметом имеет культуру, а также сложные отношения языка и мышления, так как именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам. В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется некоторая модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется *картиной мира* (КМ). Под КМ в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании.

Язык, связывая между собой слова в речи, объясняет содержание картины мира, выражает картину мира и влияет на нее. Исследователи могут по-разному определять понятие *языковая картина мира*, но все они предполагают, что человек находится в центре мироздания, и это обусловлено антропоцентрической научной парадигмой, предполагающей изучение языка с целью познания его носителя. В данной работе мы вслед за Н. Ю. Шведовой понимаем под языковой картиной мира «выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999: 15]. Это определение четко выражает антропоцентризм языка: в нем подчеркивается творческий характер и динамизм языка, обусловленный осознанной деятельностью человека.

Во втором параграфе «*Диалектная языковая картина мира. Диалектное слово*» рассматривается круг вопросов, связанных с определением понятий

диалектная языковая картина мира, региональная языковая картина мира, диалектное слово.

Под *диалектной языковой картиной мира* (ДЯКМ) понимается совокупность народных представлений о мире, закрепленная в русских народных говорах. Внутри ДЯКМ выделяются более мелкие фрагменты, которыми являются, в частности, региональные языковые картины мира. *Региональная языковая картина мира* (РЯКМ) – часть национальной языковой картины мира, обладающая собственной историей развития, имеющая неповторимые черты с присущими только ей особенностями и представляющая собой определенную историко-культурную зону. РЯКМ обычно соотносится с определенными говорами или группой говоров. Например, региональная языковая картина мира Верхнего Поволжья представлена в говорах Ивановской области и соседних областей – Нижегородской, Ярославской, Владимирской, частично Костромской и определяется как территория Владимирско-Поволжской группы говоров.

Многообразием и сложной организацией обладает, прежде всего, лексический компонент диалектного языка, включающий различные тематические и лексико-семантические группы, широко развитую синонимию, антонимию, полисемию, формальное варьирование слова и другие явления. Следует заметить, что в научной литературе неоднозначно решается вопрос, как рассматривать слово в диалектном и литературном языках при совпадении плана выражения и плана содержания. Одни считают данные единицы одним словом (О. И. Блинова, Н. А. Лукьянова), другие рассматривают как разные слова, так как они принадлежат разным системам, оказывающимся в разных парадигматических и синтагматических отношениях с другими единицами своих систем (Л. И. Баранникова, И. А. Оссовецкий). Вслед за Л. И. Баранниковой и И. А. Оссовецким в настоящем исследовании мы склоняемся к той точке зрения, что значение диалектного слова часто выступает как трансформация исходного общерусского слова, обычно связанная с сужением значения общего слова или с варьирующими дополнительными уточняющими, дифференцирующими семами.

Следует еще раз подчеркнуть, что диалектный язык представляет собой локальную разновидность национального языка, объединяющую большое количество микросистем, связанных в более крупные системы, в совокупности представляющих собой макросистему. Литературный и диалектный языки, имея общую часть, в том числе и лексическую, объединены в рамках русского национального языка.

В третьем параграфе *«Лексико-тематическая и лексико-семантическая группировка лексических единиц как способ описания фрагментов региональной языковой картины мира»* решается проблема семантической организации лексики, рассматриваются разные подходы к определению тематических и лексико-семантических групп, выделяются принципы их разграничения.

Одним из способов описания фрагментов РЯКМ является выявление и анализ тематических и лексико-семантических сфер, предполагающих рассмотрение лексем на фоне системных связей, с учетом культурного и

национального своеобразия. Принципы выделения тематических и лексико-семантических групп рассматривались в исследованиях многих лингвистов (Т. В. Бахвалова, Л. М. Васильев, В. Г. Долгушев, Н. Г. Ильинская, В. И. Кодухов, О. Д. Кузнецова, Н. А. Лукьянова, Г. Г. Мельниченко, Е. А. Нефедова, Ф. П. Сороколетов, А. А. Уфимцева, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев и др.). В отечественном языкознании одним из первых внимание на проблему разграничения понятий *лексико-семантическая группа* (ЛСГ) и *тематическая группа* (ТГ) обратил Ф. П. Филин. В своих работах он обоснованно разграничивает ЛСГ и ТГ, в то же время отмечая, что резкой границы между объединениями слов нет и не может быть, что объясняется сложностью самого явления. Мы будем понимать под ТГ (в нашем случае – ЛТГ) группу частеречно разных слов, отражающих членение мира в реальной действительности или в человеческом сознании, основанное на выделении общих признаков предметов и явлений, а под ЛСГ – группу лексем одной части речи, в значении которых содержится общая сема. Исходным положением для подобных обобщений является общепризнанное утверждение о том, что значение любой лексической единицы представлено совокупностью компонентов или сем, определенным образом упорядоченных.

Изучение отдельных объединений лексем исходит из понимания системной организации лексических единиц. Системность лексики проявляется в возможности распределения слов по тематическим и семантическим группам и подгруппам, в характере противопоставления значений слов как членов этих групп, в возможности определения смысловой мотивированности единиц. По типу мотивированности выделяются следующие разновидности языковых единиц: словообразовательные дериваты, семантические дериваты, немотивированные слова, при этом в говорах, как правило, отчетлива тенденция к использованию номинаций с прозрачной внутренней формой, любой носитель данного говора легко распознает, какая характеристика лежит в основе той или иной номинации и почему выбрана именно такая мотивация. В качестве мотивирующих для наименований выступают однокоренные слова, известные либо общенародному языку, либо диалектным системам. Отдельную группу составляют номинации, образованные в результате семантической производности, когда внутренняя форма является результатом семантического переноса значения общеизвестных слов.

Таким образом, картина мира любого этноса может быть представлена широким диапазоном ЛТГ и ЛСГ, в которые входят лексические единицы на основе определенных компонентов в их значении. Выделение ЛТГ и ЛСГ проводится в результате семантического анализа лексики с учетом интегральных и дифференциальных сем. Выявление парадигматических отношений внутри выделенных семантических классов и прояснение внутренней формы наименований (определение признаков, положенных в основу тех или иных членов парадигмы) позволит сделать некоторые выводы о специфике мировосприятия диалектоносителей.

Во второй главе «*Лексика, называющая человека по его характеру и поведению, в говорах Ивановской области*» рассматривается ТГ «Характер и поведение человека», представленная большим количеством лексем в наших материалах. По-видимому, это связано с внеязыковыми факторами: черты характера, свойства натуры, модели поведения человека в обществе настолько многообразны, что необходимо значительное количество средств для их вербализации.

В первом параграфе «*Лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению*» последовательно рассматриваются лексико-тематические подгруппы наименований, характеризующих человека по интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению.

Лексическое множество, содержащее характеристику лица по его интеллекту, представлено двумя полярными блоками лексем, называющих, с одной стороны, находчивого, сообразительного (*башкови'тый, ветля'ный, ву'мный, голова'стый, де'льный, дога'да, ду'мный, куме'кливый, разу'мливый, умня'шечка* и др.), а с другой, – глупого, бестолкового, недогадливого, простодушного человека (*безвале'тный, бестолку'ша, благуто'нный, гара'нька, глумно'й, гого'на, голова' как шабала', ду'рбень, <как> ду'рье по'ле, дуры'нда, конова'ловая, неде'льный, пая'ка, тетё'ха, тугоду'м, туп как ва'ленок, чалдо'н, шаромы'жник* и др.). В количественном отношении преобладают наименования лица со слабыми интеллектуальными способностями, что свидетельствует о несимметричности структуры рассматриваемой группы, о перевесе отрицательно-оценочного полюса (46 / 26). Эта ситуация избирательного восприятия человеком окружающей действительности широко известна и объясняется, по мнению Н. Д. Арутюновой, тем, что человек прежде всего замечает аномальные явления, не вписывающиеся в норму и потому получающие языковую маркированность.

В наименованиях данной лексико-тематической подгруппы в качестве доминирующей проявляется семантика, связанная с оценкой интеллекта, а также содержатся компоненты значения, характеризующие человека по его отношению к труду, работе. При этом, как правило, совмещаются семы 'умный, толковый' и 'умелый, предприимчивый в работе, деловой', 'глупый, бестолковый' и 'ленивый, не желающий трудиться'. Это определяется высокой оценкой в обществе интеллектуальных способностей человека, связанных с мастерством, умением хорошо выполнять свою работу, чему глупость и несообразительность не могут способствовать. Примером может служить известное ивановским и ярославским говорам негативно-приставочное прилагательное *неде'льный* 'о глупом человеке', ср.: *Таня, дочь моя, недельная, непробивная* (Тейковский р-н), в лексическом значении которого содержится потенциальная сема 'ленивый, не желающий трудиться' [ЯОС 6: 129].

Лексическое множество, содержащее характеристику лица по его эмоциональному состоянию, представлено оппозицией лексем, называющих, с одной стороны, веселого, жизнерадостного (*балагу'р, веселу'шка, гоготу'н, гомоно'к, зубоска'л, лю'тый, поте'шник, смею'шка, хохма'ч* и др.), а с другой, –

невеселого, грустного (*грустли'вый, жмурно'й, квё'лый, насу'пистый, хмурно'й* и др.), плаксивого человека (*во'йка, гнуса', кила', мокри'ца, мокрощё'лка, мокру'ша, нудли'вый, нить, ню'ня, рыда'лица, стону'чка, хны'кса* и др.). Количественный перевес в сторону лексических единиц, содержащих негативную оценку человека по его эмоциональному состоянию, взгляду на мир (32 / 17), подтверждает стереотипные представления диалектоносителей о том, что испытываемые отрицательные эмоции не только негативно сказываются на межличностных отношениях, но и мешают выполнению коллективной работы (известно, что трудовые процессы занимают центральное место в жизни селянина).

Целый ряд лексических единиц, называющих в ивановских говорах плаксу, реву, мотивируется глаголами, свойственными разговорной речи и просторечию. Например, существительные: *брюзга'* – *брюзжа'ть* 'надоедливо ворчать, выражать недовольство чем-либо' [МАС I: 119]; *во'йка* – *выть* 'плакать в голос' с пометой *прост.* [МАС I: 288]; *ны'тик, нить* (сущ.) – *нить* 'надоедливо жаловаться на что-либо // издавать тягучие, жалобные звуки' с пометой *разг.* [МАС II: 516]; *ню'ня* – *ню'нить* 'плакать' с пометой *прост.* [МАС II: 516]; *рё'ва, рё'вушка* – *реве'ть* 'громко, сильно плакать' с пометой *разг.* [МАС III: 691], ср.: *Ну, рёва, сразу в слёзы. Нельзя же так! Ну, не плачь, моя рёвушка, успокойся, вытри глазки* (Шуйский р-н); *стону'чка* – *стона'ть* 'издавать стон (стоны) // говорить со стоном, жалуясь, сетуя // горько жаловаться, сетовать' с пометой *разг.* [МАС IV: 274], ср.: *Стонучка всё стонет, поет, вот его так и зовут* (Шуйский р-н); *хны'кса* – *хны'кать* 'плакать, издавая монотонные негромкие звуки // жаловаться на что-либо, плакаться, нить' с пометой *разг.* [МАС IV: 609]. Данные единицы, помимо указанной ядерной семы, содержат потенциальную сему 'тот, кто надоедает просьбами, жалобами'. Для таких людей характерно мироощущение, исполненное уныния, безнадежности, склонность во всем видеть дурное, неприятное.

К лексико-тематической подгруппе, характеризующей человека по его эмоциональному состоянию, следует отнести ряд наименований (29 лексических единиц и 3 устойчивых выражения), в значении которых проявляются семы 'петь песни' (*визжа'ть, горла'нить, горлопа'нить, крича'ть пе'сни, тяну'ть* и др.), 'любитель петь песни' (*заводи'ла, запева'ла, ли'рник, пе'сельник, пе'сенник* и др.), 'плясать' (*вихля'ться, дроби'ть, кренделя'бры выде'лывать, лета'ть, отчебу'чивать* и др.), 'любитель плясать' (*веселу'н, лету'н, плясу'ха, поплясу'нья, топоту'н* и др.). Большинство наименований имеют прозрачную внутреннюю форму, в них легко угадывается мотивация: *веселу'н* – *весё'лый* 'полный веселья, жизнерадостный' [МАС I: 155], ср.: *Веселун у нас Пашка! На месте не может усидеть* (Юрьевецкий р-н); *лету'н* – *лета'ть* 'двигаться, передвигаться легко и быстро, едва касаясь земли, пола и т.п.' [МАС II: 178], ср.: *Летали под гармошку, аж земля дымилась; Он главным летуном был, девки толпами бегали* (Савинский р-н).

Несомненно, речевая деятельность является одной из важнейших составляющих человеческой жизни. Наличие значительного количества

наименований, характеризующих лицо по особенностям речевого общения, объясняется тем, что речевая деятельность и речевое поведение человека воспринимаются как его важная характеристика, отражающая социальный опыт взаимодействия с другими людьми; ср. замечание Е. Л. Березович о том, что «мир людей подается как мир активной вербальной коммуникации» [Березович 2007: 99]. Оценка человека по особенностям речевого общения осуществляется в ивановских говорах с помощью наименований, отражающих процесс говорения и характер взаимодействия между людьми. Такие лексические единицы называют лицо по его склонности, предрасположенности говорить много или мало, быстро или медленно, громко или тихо, эмоционально или сдержанно, правильно и чисто или плохо, неразборчиво; передавать достоверную, недвусмысленную или неточную информацию. Всего в ивановских говорах насчитывается 107 лексем и 6 устойчивых выражений, которые в своем значении содержат родовую сему 'говорить'.

Речь как процесс отражается, с одной стороны, в наименованиях болтливости, бойкого на язык, то есть чрезмерно активного, деятельного в коммуникативном отношении лица (*баля́', баля́'ка, трё́'кало, чеса́'ло* и др.), с другой стороны, в номинациях молчаливого, замкнутого человека (*молча́'льница, немты́'рь*). Следует отметить, что слово *немты́'рь*, употребляющееся в говорах с различной семантикой: в орловских, вологодских, пермских – 'немой, глухонемой человек', в костромских, вологодских, ярославских – 'о человеке, неотчетливо, невнятно говорящем, косноязычном', в вятских – 'о зайке' [СРНГ 21: 87], в ивановских говорах не именуется лицо по физиологическим особенностям, а оценивает немногословного, молчаливого человека.

Смысловая сторона является существенной чертой речи для носителя говора. Отклонение от нормы порождает значительное количество лексем, внутренняя форма которых продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации. Так, в семантической группе речевой деятельности человека значительное место занимают слова, в значении которых содержится сема 'лгать, обманывать' (*базла́'ть, баламу́'тить, бреха́'ть, брехню́' нести́', гнуть, городи́'ть, лить в у́'ши* и др.).

Интересным оказывается тот факт, что в говорах Ивановской области не зафиксированы номинации, в значении которых содержится сема 'говорить правду'. Это еще раз подчеркивает специфику сознания диалектоносителей: общественному обсуждению подвергаются те признаки, которые, как правило, вызывают народное неодобрение и порицание. С другой стороны, наличие значительного количества лексических единиц, имеющих сему 'лгать', указывает на то, что содержательная сторона речи значима для участников речевого акта: целью общения является получение достоверной и правдивой информации. Именно поэтому появление сплетен, непроверенных слухов также вызывает осуждение в обществе, что отражено в разного рода наименованиях, дающих характеристику и самому процессу, и людям, участвующим в нем (*ба́'йку сварга́'нить, зубочё́'сник, нау́'шник, суда́'чить, трепу́'шка* и др.).

В качестве отдельной лексико-семантической группы можно выделить единицы, в значении которых присутствует семантический компонент 'хвастать': *бахва'л, болоно', форсу'н, щелкопёр, я'калка*. Чрезмерное хвастовство вызывает неодобрение в народе, осуждение в обществе, поэтому некоторые наименования носят прямо выраженную грубую эмоционально-оценочную окраску, как, например, слово *щелкопёр* 'хвастун', ср.: *Да ты знаешь кто я? – Ты то? Конечно, знаю, щелкопёр* (Юрьеvecкий р-н), известное литературному языку в значении 'презрительное название писателя, журналиста' с пометой *устар.* [МАС IV: 741].

Анализ лексики ивановских говоров, имеющей отношение к речевой деятельности, позволил определить, какой должна быть хорошая речь в представлении сельских жителей: четкая, правильная, правдивая, доступная, содержательная, не отвлекающая от работы. Такая характеристика речи актуальна для большинства говоров (ср. данные, полученные при изучении семантики глаголов речи в орловских говорах: «немногословное высказывание, содержательное, произносимое к месту, правдоподобное, логично выстроенное, доступное, интересное и грамотное» [Бессонова 2001: 15]).

Характеристика лица по речевому поведению (34 лексические единицы) проявляется в лексемах, объединенных в лексико-семантические группы: 'вздорный, сварливый человек' (*брязга', жи'жа, здо'рник* и др.); 'ворчун, ворчунья' (*бубни'ла, грызу'н, ехи'дна, мозгое'д* и др.); 'крикун, скандалист' (*га'лма'н, гло'тка, ора'кля, поло'хала, прозвоно'к* и др.). Такие вербальные действия, как приставания с расспросами, брюзжание, слишком громкий голос или крик, негативно сказываются на межличностных отношениях и мешают выполнению коллективной работы.

Наблюдения над функционированием лексики, характеризующей человека как индивида (по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению), в говорах Ивановской области позволили убедиться в количественном преобладании слов с отрицательной эмоциональной оценкой, которая связана с такими характеристиками, как интеллектуальная недостаточность; склонность к пессимизму, угрюмости, плаксивости; излишняя речевая активность, отсутствие ценности информации, передаваемой болтунами, пустословами; недостаточное проявление речи, вплоть до полного ее отсутствия, у молчуна, нелюдима; недостоверность информации, передаваемой лгунами и сплетниками, хвастунами; неэтикетность речи сварливого, крикливого человека. Только небольшой ряд слов (*говору'н, ба'йкий, басли'вый, речи'стый*) положительно оценивает разговорчивого, словоохотливого человека.

Во втором параграфе **«Лексика, характеризующая человека по отношению к нормам нравственности»** последовательно рассматриваются лексико-тематические подгруппы наименований, характеризующих человека по отношению к нормам нравственности.

В ивановских говорах представлены номинации человека по таким чертам характера, обуславливающим особенности поведения, как хитрость, лъстивость, упрямство, спесивость, жадность, зависть, злость, трусость, предрасположенность

к шалостям и озорству, легкомысленность, развратность. Значительный по объему ряд слов имеет значение ‘тот, кто много пьет, пьянствует’.

Большинство наименований, дающих отрицательную оценку хитрого, пронырливого, жуликоватого человека, в говорах Ивановской области имеет общенародные корневые морфемы, уже содержащие в своем значении сему ‘притворство с каким-либо умыслом’ (*лука’вица, проны’ра, хитрю’ля* и др.). Иногда трудно определить значение лексических единиц, поскольку они отличаются диффузностью семантики, указывая и на природную смекалку, умение найти выход в трудных обстоятельствах, и на хитрость, плутовство, ср.: *Заковы’ристый малый! Такую отмазку придумать* (Юрьевецкий р-н).

На противоположном полюсе находятся наименования разини, растяпы, то есть человека, позволяющего себя обмануть, обхитрить в силу невнимательности, рассеянности (*верхогля’д, опало’ха, растяпе’й, ротозе’я* и др.). Заметим, что ротозейство, праздное любопытство вызывают неодобрение диалектоносителей, поскольку ассоциативно связаны с недалекостью, бесхозяйственностью, бездельем, пустой тратой времени, ср.: *Сестра у меня: чего-то делаем, а она ненаходчивая, вертится на одном месте, а ничего не делает, вот и скажу ей, что она рассама’ха*. Пуч., Шуйск, Кин., Пест. [Батырева 2009: 108].

Неприятное отношение к лъстецам, лицемерным угодникам, подхалимам вызвало появление в ивановских говорах таких лексем, как *подви’дный, подма’зливый, подхали’мистый* и др. Интересно, что большинство лексических единиц данной микрогруппы имеют префикс *под-*, который в ряде случаев может быть выделен только при этимологическом анализе. Вероятно, этот префикс играет существенную роль в формировании значения ‘совершение действия с целью добиться расположения кого-либо’ у данных слов.

Из отрицательно-оценочных слов, называющих упрямого, самоуверенного, несговорчивого человека (*кобе’нистый, су’порень, упря’мистый* и др.), стоит выделить известное ивановским и ярославским говорам слово *чалдо’н*, образованное за счет метафорического переноса с названия лица по географическому происхождению ‘коренной житель Сибири’ с пометой *обл.* [МАС IV: 652].

Проявление гордости, зазнайства вызывает резкую отрицательную оценку, ср.: *Гордым быть, глупым слыть; Спесивый высоко мостится (летает), да низко ложится (садится); Чванство не ум, а недоумье* [Даль 1879, II: 287], поэтому лексические единицы, отражающие эти черты характера человека, весьма частотны как в ивановских (*додо’н, и’дол, кочевря’га, рыля’стый* и др.), так и в других говорах. Так, многочисленны наименования с корнем *горд-*: *горде’ц, горду’н, гордя’к*, ср.: *горда’н* (Костром.), *горда’ш* (Иван.-Вознес.), *горде’й (горде’йка)* (Ворон., Курск.), *горде’на* (Арх., Твер.), *горде’ха* (Пск., Твер.), *горде’шка* (Казан.), *горди’н* (Онеж.), *горди’нка* (Смол.), *гордия’н* (Орл., Нижегород., Костром.), *горды’ня* (Том.), *гордя’й* (Ворон.), *гордя’нка* (Даль) [СРНГ 7: 26–30].

Также актуальным является обозначение жадного, скупого, чрезмерно бережливого человека (*жаде’ба, жо’ркий, зажи’льный, курку’ль, сквалы’га* и др.). Диалектное прилагательное *жо’ркий* в народной речи известно в значениях:

‘жадный’ – ивановские, челябинские говоры, ср.: *А парень молодой, только жоркий* (Тейковский р-н); ‘прожорливый; неприхотливый в еде’ – владимирские, костромские, вологодские, пермские, свердловские, челябинские говоры [СРНГ 9: 216]. Мотивирующим для данного прилагательного является глагол *жрать* ‘есть (с жадностью)’. На базе этого значения и происходит дальнейшее семантическое развитие слова.

Негативный образ человека, склонного к зависти, создается за счет лексических единиц, в значении которых актуализируются семы ‘завистливый человек’ (*зави’дливый, за’видник* и др.), ‘завидовать’ (*задо’риться, злынева’ть* и др.), ‘завидно’ (*зави’дки беру’т*). Большинство лексем данной микрогруппы мотивированы глаголом *зави’довать* ‘испытывать чувство зависти к кому-, чему-либо’ [МАС I: 502].

Для характеристики злого, враждебного человека в ивановских говорах используется целый ряд наименований (*злы’день, лихома’нка, ли’хо одноглазое, не’людь* и др.), в то время как противоположный полюс со значением ‘хороший, добрый, чуткий, отзывчивый человек’ выражается в достаточно небольшом количестве лексических единиц (*до’брый, доброжела’тельный, душе’вный, раду’шный, ще’дрый*), тем самым подтверждая суждение, что положительные явления жизни, соответствующие представлениям диалектоносителей о норме, реже находят отражение в языке, чем отрицательные (антинорма). Кроме того, все представленные наименования являются общеупотребительными словами, функционирующими как в литературном языке, так и в говорах, это свидетельствует о положительной оценке доброго, отзывчивого человека всеми носителями русского национального языка, независимо от территориальной принадлежности.

Такие качества, как смелость, удасть, положительно оцениваются носителями диалекта (*безбоя’зный, бра’вый, смеля’к, удало’й, у’харень* и др.), поэтому и поведение человека, наделенного такими качествами, соответствует определенному эталону, закрепленному в народном сознании, ср.: *Эк, удалой какой! Котёнка с дерева снял. Молодец, мальчик!* (Юрьевецкий р-н). Противоположный полюс со значением ‘робкий, нерешительный, трусливый человек’ в говорах Ивановской области представлен словами *боя’ка, задры’га, трясу’шный* и др.

Отрицательной семантикой обладают наименования непоседы (*верчеха’, егозу’й, задры’га, чумазе’ня* и др.), озорника, шалуна (*ба’ловень, сорване’ц, шко’да* и др.), забияки, задиры (*вздо’рник, дра’чник, ото’рва* и др.). К данной микрогруппе следует отнести и лексико-семантическую группу слов с общей семой ‘озорничать / шалить’ (*глуми’ться, голове’ситься, кочевря’житься* и др.). Признак нестабильности, динамичности кладется в основу осмысления непоседы. Так, однокоренные лексемы *веретено’, вертихво’ст, верту’шка, верчеха’* мотивированы глаголом *верте’ться* ‘совершать круговые движения, вращаться, кружиться’ [МАС I: 153]. Неустойчивость, шаткость осмысляется как нечто нежелательное, негативное, поэтому для выражения отрицательной оценки и эмоции неодобрения языковой личностью избираются именно эти признаки.

С точки зрения сельских жителей достоин порицания человек, ведущий праздную и разгульную жизнь (*вислю'га, гулё'на, гуля'ка, моту'н, шату'н, шлё'нда*), так как это не соответствует ориентации русской лингвокультурной общности на труд как на неотъемлемую составляющую жизни человека, средство духовного совершенствования. Так, соединение в одной лексеме нескольких семантических компонентов, ср.: *беспу'тник* 'распутный, развратный человек' и 'человек, у которого хозяйство находится в запущенном состоянии' Арх. [СРНГ II: 276], выявляет зависимость одного признака от другого: легкомысленное, безрассудное поведение приводит к отсутствию порядка в делах, бесхозяйственности.

Одним из человеческих пороков является пьянство. Презрительное отношение к людям, у которых наблюдаются зависимость и неодолимая тяга к употреблению спиртных напитков, вызвало широкое распространение в ивановских говорах лексических единиц, выражающих значение 'тот, кто много пьет, пьянствует' (*бра'жник, булды'га, выпиво'ха, глехту'н, пито'к* и др.). Так, в Шуйском районе в значении 'пьяница' встречается слово общего рода *булды'га*, употребляющееся и в вологодских, смоленских говорах, ср.: *Ты сам уж, гляжу, как те булдыги, клюкнуть рюмашку не прочь стал* (Шуйский р-н). Во владимирских, московских, нижегородских говорах слово *булды'га* представлено в значении 'гуляка'; в симбирских – 'сварливый, скандальный человек'; в калужских – 'грубиян, невежа' [СРНГ III: 269]. Разные значения рассматриваемой лексемы, на наш взгляд, связаны друг с другом, так как включают общую сему 'несоответствие этическим нормам'.

Итак, лексико-тематическая подгруппа, отражающая оценку человека как члена социума (по отношению к нормам нравственности), является самым крупным из рассматриваемых лексических объединений, насчитывая 284 единицы. При этом специальную вербализацию получают, в основном, негативные черты характера и особенности поведения человека, не соответствующие культурно-национальным установкам диалектоносителей, а именно: хитрость, жульничество, лицемерие, упрямство, спесивость, жадность, зависть, злость, трусость, озорство, легкомысленность, беспутство, пьянство. Этим еще раз подтверждается положение, что все позитивное является нормой и чаще всего не получает фиксации в языке. Наоборот, отрицательные черты воспринимаются более остро, и поэтому даже отдельные оттенки в поведении человека получают особые наименования.

Наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира представителей русского языкового социума, в нашем случае сельских жителей Ивановского края, позволил недифференцированный подход к описанию лексики говоров, выражающийся в равном внимании к диалектным лексическим единицам и словам, входящим в состав литературного языка и общерусского просторечия. Придерживаясь точки зрения И. А. Оссовецкого, утверждающего, что в говоре все явления «равно диалектные», так как даже если наблюдается соответствие с литературным языком по фонемному составу, номинативному значению, то обязательно найдутся различия в той или иной парадигме: семантической,

грамматической, стилистической [см.: Оссовецкий 1982], нами установлено, что в исследуемых говорах диалектная лексика составляет половину от общего количества рассмотренных лексических единиц (50,0%). Однако тенденция к нивелированию диалектной речи под влиянием просторечия и литературного языка приводит к постепенной утрате традиционной диалектной лексики, таким образом, в настоящее время можно говорить о существовании полудиалекта, проявившегося в особенностях лексического состава данной тематической группы.

Внутри рассмотренных лексико-тематических подгрупп выявлены синонимические, антонимические отношения и мотивационная связь между лексемами. Значительная часть слов мотивируется глагольной лексикой и характеризует человека как активного деятеля, что согласуется с выводом Ю. Д. Апресяна о том, что «человек мыслится в русской языковой картине мира... прежде всего как динамичное, деятельное существо» [Апресян 1995: 39]. Тематическое деление лексики ивановских говоров сформировало представление об особенностях мировосприятия сельских жителей. Распространение словообразовательных синонимов, многочисленность наименований одной и той же реалии позволяют сделать вывод о детальной проработанности понятийно-семантической сферы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области. Многочленные синонимические ряды, характеризующие человека по разнообразным качествам: 'умный' / 'глупый' (*голова', дога'да, умня'шечка / бестолку'ша, гого'на, ду'рбень, недотё'па, тетё'ха, шаромы'жник*), 'хитрый, пронырливый' / 'рассеянный, невнимательный' (*ловка'ч, лука'вица, пройдо'ха, прощель'га, хитрё'на, хитру'ля, хитру'шка / верхогля'д, воро'на, лох, опало'ха, раззё'ва, растяпе'й, ротозе'я*), 'гордый' (*петуши'стый, рыля'стый, чванови'тый*), 'жадный, скупой' (*жадну'щий, жо'ркий, зажи'льный, ненасы'тный*), 'трусливый' (*боя'ка, задры'га, зассы'ха, посику'ха*), по особенностям речевого общения 'болтливый' / 'молчаливый' (*баку'льник, баля'ка, бололо', мололо', трё'кало, трепу'ха, чеса'ло / молча'льница, немты'рь, тихо'ня*), по эмоциональному состоянию 'веселый' / 'грустный' (*балагу'р, веселу'шка, гоготу'н, гомоно'к, зубоска'л, смею'шка, хохма'ч / грустли'вый, жмурно'й, квё'лый, насупистый, смурно'й*) и др. свидетельствуют о важности этих человеческих качеств для носителей говоров.

Некоторые лексемы в ивановских говорах являются полисемантами, поэтому одно и то же наименование включено в разные лексико-семантические группы: *вздо'рник* ('вздорный, сварливый человек'; 'забияка, задира'); *вязга'* ('плакса'; 'капризный человек'); *гуля'ка* ('человек, ведущий праздную и разгульную жизнь'; 'пьяница'); *задры'га* ('трусливый человек'; 'непоседа'); *и'дол* ('гордый, высокомерный человек'; 'жадный, скупой человек'); *пустоме'ля* ('болтливый человек, пустослов'; 'лгун, лгунья'); *чалдо'н* ('глупый человек'; 'упрямый, несговорчивый человек'). Отнесение одной и той же лексической единицы в разные группы позволило говорить об отсутствии четких границ в значении слов, что приводит к смысловым переходам от одной лексико-семантической группы к другой.

Среди наименований, характеризующих человека, выделены номинации, возникшие на основе метафорического переноса, отличающиеся своей образностью и экспрессивностью. Некоторые из них появились в результате сравнения человека с животным: *бара'н*, *бык* ('животное' → 'упрямый, несговорчивый человек'); *за'яц* ('животное' → 'робкий, нерешительный, трусливый человек'); *лиса'* ('животное' → 'льстивый, лицемерный человек, подхалим'); *мокри'ца* ('животное' → 'плакса'); *росома'ха* ('животное' → 'рассеянный человек'); другие – в результате сравнения с предметами окружающей действительности: *дуби'на*, *пень* ('толстая тяжелая палка'; 'оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного или сломанного дерева' → 'о бестолковом, тупом человеке'); *трецо'тка* ('устройство, приспособление (обычно вращающееся), с помощью которого производится треск, дробный стук, шум' → 'любитель (любительница) поговорить, болтун (болтунья)'); *веретено'*, *верту'шка* ('ручное прядильное орудие в виде деревянной палочки с заостренными концами и утолщением посередине'; 'название разного рода вращающихся предметов и инструментов' → 'непоседа'). По-видимому, это объясняется тем, что номинация происходила в крестьянской среде, где конкретное, предметно-образное мышление развито гораздо лучше, чем абстрактное: диалектоноситель видит вокруг себя реалии и переносит их названия на человека. Переносное употребление наименований мифологических (как правило, языческих) существ может свидетельствовать о живучести древних суеверий и связано с народными представлениями о враждебности нечистой силы по отношению к людям: *злы'дня*, *ли'хо одноглазое* ('мифологический персонаж, как воплощение злой доли, горя, несчастья, беды' → 'злой, недоброжелательный человек') и т. д.

Большинство наименований в говорах Ивановской области характеризуется ясностью семантической и словообразовательной структуры, прозрачной внутренней формой. Эта тенденция согласуется со стремлением человека обозначить словом наиболее существенный признак объекта номинации, чтобы закрепить в лексеме определенный культурно-практический опыт.

В составе лексики ивановских говоров отражаются закономерности, свойственные всем народным говорам, например, преобладание лексических единиц с отрицательной оценкой над лексемами с положительной оценкой. Люди, в поведении, поступках которых проявляются отрицательные качества, наказываются неодобрительным отношением общества и получают соответствующие наименования. Соответствие нравственной норме не требует дополнительной оценки, так как норма, в принципе, одна, отклонений же от нормы может быть сколько угодно, что согласуется с объяснением явления актуализации негативной модальности Н. Д. Арутюновой. Анализ лексических единиц, характеризующих человека по чертам характера, особенностям поведения, выявил наиболее предосудительные человеческие черты и привычки: хвастовство, ложь, глупость, изворотливость, спесивость, жадность, зависть, пьянство, безнравственное поведение. Обилие в описании человека наименований с негативным содержанием позволяет сделать вывод о том, что в отрицательной

оценке различных качеств лица содержится скрытый образ идеального человека. Во всем, что оценивается диалектоносителями со знаком минус, проявляется стремление видеть такого человека, который не имеет недостатков. В обществе, коллективе он проявляет такие качества, соответствующие высокой морали, этике межличностных отношений, как честность, открытость, отсутствие подострастия и лести, благоразумие, отзывчивость, человечность, щедрость, жизнерадостность; он ведет трезвый образ жизни; его речь содержательна, спокойна, доброжелательна и благозвучна; она обогащает собеседников, обеспечивая их контакт.

Сопоставление лексики ивановских говоров с данными диалектных словарей, содержащих сведения о других русских говорах, выявило многочисленные междиалектные лексические параллели и отразившуюся в них общность мировосприятия диалектоносителей (преимущественно жителей Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской областей), что объясняется культурными связями ивановцев и близостью границ Ивановской области с указанными регионами.

В *Заключении* подводятся основные итоги, намечаются перспективы и направления дальнейших исследований.

Основные положения диссертационной работы отражены в 11 публикациях (общий объем – 4,59 печ. л.).

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Шулякина, Ю. С. Имена существительные со значениями 'бесстыдник', 'пьяница', 'распутник' в говорах Ивановской области / Ю. С. Шулякина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 112–116 (0,62 печ. л.).

2. Шулякина, Ю. С. Наименования человека по отношению к нормам нравственности в говорах Ивановской области / Ю. С. Шулякина // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 3. – Вып. 4. – С. 312–317 (0,75 печ. л.).

3. Шулякина, Ю. С. Семантическое поле «Отрицательные черты характера человека» (на материале говоров Ивановской области) / Ю. С. Шулякина // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 207–210 (0,5 печ. л.).

Публикации в других изданиях

4. Шулякина, Ю. С. Лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, в говорах Ивановской области / Ю. С. Шулякина // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык –

словесность – культура – воспитание: матер. V Всерос. науч. конф., Иваново, 14 апреля 2011 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – С. 204–209 (0,37 печ. л.).

5. Шулякина, Ю. С. Общая лексика в толковых словарях литературного языка и народных говоров (на материале лексики, характеризующей человека по поведению) / Ю. С. Шулякина // Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века: матер. IX Междунар. школы-семинара, Иваново, 8–10 сентября 2011 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – С. 356–359 (0,25 печ. л.).

6. Шулякина, Ю. С. Лексика говоров Ивановской области, характеризующая человека по особенностям его речевого общения / Ю. С. Шулякина // Проблемы лингвистического краеведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти кандидата филологических наук, доцента Аиды Николаевны Борисовой, Пермь, 12–13 октября 2011 г. – Пермь : Перм. гос. ун-т., 2011. – С. 169–175 (0,43 печ. л.).

7. Шулякина, Ю. С. Названия человека по особенностям поведения в говорах Ивановской области / Ю. С. Шулякина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2011. – С. 245–249 (0,31 печ. л.).

8. Шулякина, Ю. С. Лексика говоров Ивановской области, характеризующая человека по его эмоциональному состоянию / Ю. С. Шулякина // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: матер. Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, Арзамас, 17–18 мая 2012 г. – Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2012. – С. 433–438 (0,37 печ. л.).

9. Шулякина, Ю. С. Оценка лица по речевому поведению в говорах Ивановской области / Ю. С. Шулякина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. – Вып. 7. – С. 204–209 (0,31 печ. л.).

10. Шулякина, Ю. С. Диалектная лексика, характеризующая человека по особенностям характера и поведения, в говорах Ивановской области и сопредельных областей / Ю. С. Шулякина // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/7462> (дата обращения: 18.02.2013) (0,43 печ.л.).

11. Шулякина, Ю. С. Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в словарях литературного языка и народных говоров (на материале говоров Ивановской области) / Ю. С. Шулякина // Life beyond Dictionaries: мат-лы юбилейной X Междунар. школы-семинара, Иваново – Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. – С. 247–250 (0,25 печ. л.).

Шулякина Юлия Сергеевна

**Лексика тематической группы
«Характер и поведение человека»
в говорах Ивановской области**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать _____
Формат 60x84 1/16. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ № ____

Отделение организации научных исследований
экспертно-консалтингового отдела
ФГБОУ ВПО Ивановского института ГПС МЧС России
153040, г. Иваново, пр. Строителей, 33